

О. М. Фишман

К. К. ЛОГИНОВУ — ПОЛЕВОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Резюме

В статье изложена авторская оценка полевой деятельности известного отечественного этнографа К. К. Логинова (1952–2020), признанного специалиста в области этнолокальной истории и культуры Карелии, Русского Севера и особенно Заонежья. Содержание объемных монографий и статей К. К. Логинова позволяет четко обозначить стратегию полевой коммуникации и взаимоотношений с конкретными информантами, исходя из того, что, находясь внутри изучаемой этнической общности, он являлся одновременно собирателем, переводчиком, сподвижником и хранителем утрачиваемой коллективной памяти той или иной этнической общности Русского Севера и Карелии. Исходя из приоритетных подходов в работах К. К. Логинова — изучения локальных групп русского и отчасти карельского населения и их лидеров — анализируются полевые материалы, полученные в течение двух полевых сезонов (2011–2012 гг.) от Н. В. Лихачевой (1916–2016), представительницы старшего поколения одной из специфических локальных групп тверских карел — весьегонских. Результатом глубинных интервью стали записи ее повествования биографического характера, позволившие выяснить собственную оценку личной судьбы, характер религиозных представлений, их глубину и своеобразие, определить круг чтения и знания локальных фольклорных традиций как факторов формирования картины мира носителя традиционной культуры во второй половине XX — начале XXI в.

Ключевые слова: К. К. Логинов, этнография, Карелия, Русский Север, этнолокальная история, полевые исследования, Н. В. Лихачева (1916–2016), тверские карелы, биографическое повествование

IN MEMORY OF THE FIELD RESEARCHER
KONSTANTIN KUZMICH LOGINOV

Abstract

The article analyzes the field work of the renowned ethnographer Konstantin Kuzmich Loginov (1952–2020), an expert in ethno-local history and the culture of Karelia, the Russian North and, in particular, the Zaonezhye Region. The contents of Loginov's voluminous monographs and articles allow us to identify his strategy in field communications and his relations with specific informants. Loginov's position inside the ethnic community under research was complex: he was simultaneously a collector, interpreter, supporter, and custodian of the fading collective memory peculiar to a certain ethnic community of the Russian North and Karelia. Loginov's research prioritized the study of local groups of Russians and partly of Karelians and their leaders. From this point of view, the article considers materials collected by Loginov during two field seasons, which took place in 2011 and 2012, when he conducted a series of in-depth interviews with N. V. Likhacheva (1916–2016), a representative of the elder generations of one of the local groups of the Tver Karelians — *Vesiegonskie*. The results of those in-depth interviews were the recordings of autobiographical narratives that reveal the informant's evaluation of her personal life, show her religious views, their depth and peculiar properties, as well as her reading experience and knowledge of local folk traditions. These aspects constitute the worldview of the bearer of the traditional culture in the second half of the 20th — early 21st century.

Keywords: Konstantin Kuzmich Loginov, ethnography, Karelia, Russian North, ethno-local history, field research, N. V. Likhacheva (1916–2016), Tver Karelians, biographic narrative

DOI 10.31860/2712-7591-2021-2-41-59

Константин Кузьмич Логинов был высокопрофессиональным полевым специалистом, унаследовавшим, как мне представляется, традиции еще дореволюционной российской школы полевых исследований, сохранивший и развивший их. Не случайно в предисловии к подготовленному и опубликованному им сборнику полевых опросников он ссылается на «Программу для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах русских крестьян и инородцев» В. Н. Харузиной.

Практически все его монографии, многие статьи написаны на объемном авторском материале, собранном с большим тщанием, скрупулезностью и знанием. Благодаря этому в его работах приведены многие неизвестные ранее детали и подробности обыденной жизни, традиционных занятий, обрядовой культуры, примет и представлений. Сошлюсь на одно из важных разъяснений автора в упомянутой выше «Программе»: «Наш опросник по-

звolyет собрать материалы не только по родильно-крестильной обрядности, но и по всем другим обрядам, так или иначе касающимся обрядовых предпосылок рождения нормального (физически и социально) ребенка, а также социализации от момента его зачатия до момента „развязывания детского ума“, наступающего по достижении семилетнего возраста. При практическом использовании нашего опросника в собирательских целях наши вопросы обязательно должны быть адаптированы к реалиям района обследования» [Логинов 2007, с. 3].

В последней фразе сделан важный акцент, который адресован полевым исследователям, работающим над изучением конкретных местных традиций.

Сам К. К. Логинов являлся неутomимым разработчиком проблемы локального варьирования культуры, он плодотворно занимался изучением различных локальных групп русского и отчасти финно-угорского населения Карелии и Русского Севера. Им были достигнуты серьезные результаты по выявлению конкретных локальных групп русских и описанию признаков подобных сообществ. Его обобщающие труды внесли существенный вклад в формулировку новаторских и научно-практических подходов к теме [Логинов 1993а; Логинов 1993б; Логинов 2006; Логинов 2010; Кузнецова, Логинов].

Важным звеном в получении информации следует назвать авторскую методику полевой работы, сочетавшую в себе включенное наблюдение, глубокие интервью, спровоцированный монолог, эмпатический метод и др. Используя сообразно ситуации тот или иной набор методов, К. К. Логинов преследовал главную задачу — описание этнической традиции с позиции ее носителя, а уже позднее предпринимал анализ материала. Работа в многочисленных экспедициях, и прежде всего в Заонежье, была для Константина Кузьмича возвращением к «корням» (как он сам говорил), позволяла ощущать свои родовые, генетические связи, в этом была суть его характера, понимания своего призвания и смысла этнографии, которой он посвятил жизнь. К нему вполне применима оценка личности полевого, данная Л. Ньюманом: «Полевой исследователь — „методологический прагматик“, имеющий ресурсы; талантливый индивид, изобретательный и способный мыслить самостоятельно, находясь в поле» [Ньюман, с. 112].

Относительно недавно персона полевого исследователя стала признаваться как представляющая определенный интерес для изучения, будучи частью диалогического общения в социуме. Такой поворот в нашем осознании собственной профессиональной деятельности связан с постепенным переходом от «стратегии объективизации» как единственно верной, которой мы

придерживались согласно идеологическим установкам советского времени, к «возвращению человека» в отечественную науку [Фишман 2012, с. 32]¹.

Одновременно с этим актуализировались вопросы этического характера: как исследователь собирает материал, насколько верно он понимает и интерпретирует дискурс своих информантов, с какой целью и для кого проводится изучение, как его результат скажется на объекте исследования [Фишман 2012, с. 24]?

Логинов выстраивал свою стратегию полевой коммуникации и взаимоотношений с конкретным информантом исходя из того, что, находясь внутри изучаемой этнической общности, он являлся одновременно собирателем, переводчиком и сподвижником. Опросы и тем более длительные контакты всякий раз способствовали переосмыслению своего исследовательского «я», его отличия от «чужого» (в лице информантов) и, более того, провоцировали, о чем мне уже приходилось писать, новые переживания собственной личной идентичности того или иного информанта, а также коллективной самоидентификации той или иной этнолокальной и социальной группы. Содержание трудов К. К. Логинова свидетельствует о том, что он выступает в них и как хранитель утрачиваемой коллективной памяти той или иной этнической общности Русского Севера и Карелии, в них всегда слышен живой голос ныне живущих людей деревни. Встречи со многими старожилками оставались в памяти надолго. К. К. Логинова, как и многих полевых этнографов, они заставляли задуматься над вечным вопросом о цели нашей полевой работы, подвигали к изменению своих взглядов, уточнению интерпретаций и оценок под воздействием происходящего на наших глазах и услышанного от наших респондентов. Подчеркну, что в условиях полевой практики общение осуществляется, прежде всего, на межличностном уровне и зависит от роли собственных мотиваций исследователя и информанта, вступающих в диалог, личных качеств (от стратегии поведения до особенностей характера), автостереотипов и предрассудков, интеллектуальных возможностей, индивидуального социокультурного и профессионального опыта [Фишман 2009а, с. 15–21]. Информанты для исследователя — источник необходимых знаний: обладая ими и делясь, они приближают нас к более глубокому и осмысленному проникновению в народную культуру, в иное мировидение. Залогом получения интересных сведений, прежде всего, являются уважение и сочувствие к точке зрения опрашиваемого, в целом собственная установка на равноправность общения, умение не просто «разговорить» собеседника,

¹ Обширная литература о методике, опыте и практике современных полевых этнографических и фольклорных исследований приведена в коллективной монографии [О своей земле].

правильно задавая вопросы, но и выслушать, не навязывая своего мнения и не демонстрируя свои знания. Последнее подразумевает, что исследователь должен многое знать о той области народной культуры, о которой он собирает сведения.

Именно этими качествами обладал К. К. Логинов. Именно поэтому в круге людей, которых он привлекал к своей работе, были личности, обладавшие различными компетенциями, в том числе и такие сложные, как так называемые магические специалисты. В этих случаях ему приходилось, используя свои профессиональные знания и навыки, личные способности и предпочтения, совмещать в себе различные ролевые статусы, а в ряде случаев прибегать и к их смене.

* * *

В этой статье я проиллюстрирую несколько направлений, ставших приоритетными в работах К. К. Логинова, — изучение локальных групп и их лидеров, обладающих широким спектром знаний о местной истории и культуре, — на примере устного нарратива о себе и своей судьбе Надежды Васильевны Лихачевой, представительницы старшего поколения одной из специфических локальных групп тверских карел — весьегонских. Они сформировались из потомков тех карельских «старо-» и «нововыходцев» XVII в., которые постепенно расселялись и обосновывались на обезлюдивших во время польско-литовской интервенции 1608—1614 гг. «государевых порозжих пустошах», а также вотчинных и поместных землях бассейна реки Мологи. Первоначально в управленческом отношении весьегонские карелы оказались разделенными между тремя административными образованиями: Верховским станом Ярославского уезда, волостью Кестьма Угличского уезда и Есеницким станом Городецкого (Бежецкого) уезда. Но уже в 1670-х гг. из-за неудобства в управлении дворцовыми землями их выделили из этих уездов и создали полуофициальный самоуправляющийся карельский уезд из трех волостей: Чамерово (административный центр), Пятницкое и Кесьма. Случай беспрецедентный в истории карельской диаспоры в так называемом Замосковье [Фишман 2016, с. 454—458].

Складыванию специфики весьегонской группы карел, как полагает ряд исследователей, способствовал и тот факт, что их расселение осуществлялось в зоне не только русского, но и позднесредневекового расселения веси егонской, следы которой фиксировались различными источниками еще в XVI в.

Другим немаловажным и устойчивым фактором формирования своеобразных черт и консервации локальной карельской традиции являлась геогра-

фическая удаленность и изолированность Весьегонского уезда от основных экономических центров и транспортных магистралей Тверской губернии. Важно и то, что в силу приграничного административно-территориального положения на стыке вологодских и ярославских земель, вдоль притоков Мологи, здесь складывалась своя система экономических и культурных связей. Это была третья по численности группа карел после козловско-рамешковской и максатихинско-сандовской, которая, согласно Переписи 1926 г., составляла «по народности» 22 243; по родному языку — 21 227 чел., что соответствовало 14 % от всего населения уезда. Наряду с чисто карельскими деревнями здесь были смешанные русско-карельские и преобладающие исключительно русские деревни.

Этническая карта Весьегонского края претерпела серьезные изменения в 1930-х гг. в связи со строительством Рыбинского водохранилища. С 1935 по 1937 г. из зоны затопления было переселено на новые места 130 000 чел. — жителей 663 русских селений и города Мологи, затоплено три четверти территории Весьегонска, Леушинский монастырь, Югская пустынь и село Ламь с Ламской пустыней. Значительная часть русских переселенцев поселилась в Весьегонском крае.

На 1987 г., когда состоялась моя первая экспедиция в Весьегонский и Краснохолмский районы, в Чамеровском сельском поселении было учтено всего 240 карел; он включал 36 населенных пунктов и два села: Чамерово и Чистая Дуброва. Карельским языком владело еще все старшее поколение, однако в настоящее время он вышел из повседневного употребления. При почти полном исчезновении карельской языковой среды общения, сокращении численности карел и преобладании в их числе потомков русско-карельских браков в определенных ситуациях фиксируется «пульсирующее» этническое и преобладающее двойное русско-карельское самосознание. Для значительной части современных весьегонских карел по происхождению очевидны признаки слабо выраженной этнической идентичности или же индифферентности. Вместе с тем фиксируется устойчивая религиозная (православная) идентичность, обусловленная тем, что в с. Чамерово действует храм Казанской иконы Божьей Матери с длительной церковной историей (известен с 1720-х гг.), службы в нем прерывались лишь с 1937 по 1942 г. Практически все местные жители являются прихожанами Казанской церкви. При храме существует церковный хор, несколько старых женщин, хорошо знающих уставные требы, участвуют в отпевании усопших. В их числе и Надежда Васильевна Лихачева (1916—2016).

В течение двух полевых сезонов (2011—2012 гг.) в результате глубинных интервью были записаны ее повествования биографического характера,

позволившие выяснить ее собственную оценку своей судьбы, характер религиозных представлений, их глубину и своеобразие, определить круг чтения и знания локальных фольклорных традиций как факторов формирования картины мира носителя традиционной культуры во второй половине XX — начале XXI в.²

В небольшой статье 2019 г. мною был предпринят опыт выявления приоритетных признаков личной религиозности и этноконфессиональной идентичности Н. В. Лихачевой в контексте динамики коллективных представлений православных карел о праведном женском образе жизни [Фишман 2019, с. 39—44]. Во многом эта тема была определена самой информанткой, которая назвала себя «читалкой» по усопшим; преобладающая часть ее целостного повествования была посвящена индивидуальному православному пути, который мало соответствовал типичному для женщин ее поколения. Вместе с тем внутренняя логика объяснений отражала не только персональные лидерские качества Н. В. Лихачевой, но и выработанные локальным карельским социумом правовые нормы и стереотипы и тем самым в некоторой степени динамику коллективной этноконфессиональной идентичности.

Н. В. Лихачева (урожд. Агапова) родилась в старообрядческой карельской деревне Чурилково Чамеровской волости Вельского уезда: «Тут кореляков много было, да мало разговаривали. Когда сойдёмся в дверях, вот только. Теперь не стало никого, кто разговаривает, дак я уж теперь плохо и по-русски-то говорю (...) В самом деле отроду я по-карельски разговаривала. Легко, хорошо по-карельски. Тот язык гораздо легче» (Полевые материалы автора, 2011. Н. В. Лихачева, Тверская обл., Вельский р-н, с. Чамерово; далее — ПМА. 2011. Лихачева).

Ее прадед был местным старообрядческим наставником, родители регулярно вместе с детьми посещали храм Казанской иконы Божьей Матери в с. Чамерово. Надежда Васильевна закончила три класса местной школы. В 14 лет осиротела, с ней осталась младшая сестра: «Поскитались по нянькам кое-как, полуголодные». Ей не исполнилось 18 лет (1934 г.), когда под давлением старшей сестры и тяжелых жизненных обстоятельств, без любви, вышла замуж за вдовца, председателя колхоза Т. И. Лихачева из с. Чамерово, куда переехала и где прожила всю жизнь. «В колхозе (...) льноводом работала, бригадиром, на ферме дояркой» — была трудолюбивым человеком.

² Основоположниками данного подхода к исследованию личности исполнителя являются известнейшие отечественные фольклористы и этнографы Б. Н. Путилов и К. В. Чистов. В числе фундаментальных трудов, в которых осуществлен синтез фольклористики с этнографией, историей и социологией, назову следующие работы: [Путилов 1988; Путилов 1994; Путилов 1996, с. 633–639; Чистов 1988; Чистов 2000; Чистов 2005].

Жизнь в семье не сложилась. В 1943 г. пришло известие, что муж пропал без вести на войне. «Замуж сватали многие — не пойду ⟨...⟩ Особенно за вдовцов, за разведенцев — Боже упаси. Хватит, — я с одним навидалась горя» (ПМА. 2011. Лихачева). Возможно, такое решение, принятое в 25-летнем возрасте, можно рассматривать как старообрядческий след. Надежде Васильевне было известно, что вдовство весьма поощрялось в старообрядческих семьях и было предпочтительней второго замужества вплоть до 1950–1960-х гг.

Надежда Васильевна Лихачева в «смеретяной» одежде. 2011 г.

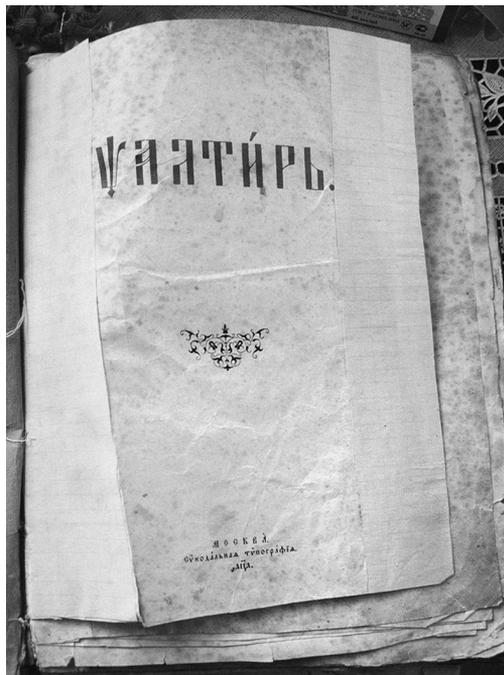
Воспитанная в религиозной семье, Лихачева с детства соблюдала правила церковной жизни и регулярной молитвы, была набожным человеком. Свидетельством ее благочестия и высокого религиозного сознания являлась молитва как неотъемлемая часть повседневной жизни и деятельности. Утренняя молитва, с ее слов, зависела от объема дневных работ и времени: «Когда какие дела. Какие дела есть в то время, то помолюсь. А если нет времени, то говорю: „Господи, благослови меня в день сей без греха сохранить“,

„Пресвятая Троица“ читаю, „Отче наш“, „Пресвятую Богородицу“ — и начинаю делать. А есть больные такие, так мне надо за них молитва. Другой раз приходится вечером за их молитва, записываю имена, чтобы не забыть» (ПМА. 2011. Лихачева).

Среди других духовно-нравственных качеств Н. В. Лихачевой были смирение, способность терпеть невзгоды, прощать людям их грехи, быть кроткой и не тщеславной, преодолевать в себе гордыню и другие страсти. В ее тетради с записями духовных стихов и псалмов есть такой текст: «Пошли ты, Боже, долготерпения, кротости». Не смела возражать свекрови, которая морила ее голодом, не развелась с унижавшим ее мужем, не судилась с пасынком, выгнавшим ее из дома, и многое другое. «Если прощает грехи Господь. Разбойника благоразумного Господь сподобил рая при едином часе. Вот как бывает. Вы „Отче наш“ знаете? <...> Так там сказано — „яко и мы оставляем должником нашим“. Мы прощаем...» (ПМА. 2011. Лихачева).

Ее главный путь к Богу определился как трудностями личной женской судьбы, так и индивидуальной религиозно-психологической предрасположенностью: «Перед Богом дала себе слово, что не пойду ни за кого, а буду читать Псалтырь. И стала учиться читать Псалтырь, по-славянски <...> по покойникам». Надежда Васильевна говорила о Псалтыри как о самой дорогой книге: «Царь Давид писал эту книгу и пел».

В подтверждение неслучайности своего выбора Лихачева рассказывает сон, в котором ей явилась св. мц. Параскева: «Был такой случай. Читала, читала, и была в Филиппове, километров, наверное, пять от нас. Читала до 10 вечера, так уж надо мне домой идти. <...> Иду дорогой, устала, пришла домой. <...> Спать ложусь и толкую. А как дверь открылась — идёт

Псалтырь 1901 г. Из собрания
Н. В. Лихачевой. 2011 г.

женщина в цветном халате, и тут белый-белый с двумя крестами нагрудник до самого полу, подходит ко мне и кланяется: „Здравствуй, раба Надежда“. Я говорю: „Здравствуйте, здравствуйте, садитесь, я вас не знаю“. Она говорит: „Зато я вас знаю. (...) пришла вас предупредить — вы привели козла (а я как раз купила козу), а венец Мария принесла на стол — вот и носите“. А мне Псалтырь принесла Мария (нрзб. фамилия — из деревни Сутка Ярославской обл.), когда я начала читать. Я говорю: „Тётя Маша, я бы стала читать, а у меня Псалтыря нету“. — „Я, — говорит, — принесу тебе“ (...) Она принесла и на стол положила. „Вы поняли меня? Я, — говорит, — святая мученица Параскева, пришла вас предупредить. Осла выведите, а птиц нарушьте, а венец, который Мария принесла на стол, носите“. Я как встала, она и пропала, эта Параскева. И я думаю: значит, надо мне читать» (ПМА. 2011. Лихачева).

Надежда Васильевна получила благословение о. Петра (Петр Алексеевич Зайцев), служившего в Казанском храме с 1969 по 1975 г. Свое эмоционально-психическое состояние она описывала яркими словами: «Зашла за благословением, книжку взяла и всё, он прочитал молитву, меня крестом благословил сзади и спереди, меня и подняло вот это — как подняло, я ничего не понимаю, как я ушла, и всё стало красивое, зелёное, всё милое, так бы я всех любила, целовала — вот такое вам состояние». Не каждому Псалтирь посильна и не каждому она дается. Чтение Псалтири и заупокойные молитвы на дому оцениваются как богоугодное служение, подвижнический образ жизни. Не случайно о. Петр сказал ей: «„Вас осенил Святой Дух. Наверное, вы с большим настроением пришли за благословением“. Я говорю: „Да радела, с радением“. (...) Вот так и стала читать — так и наизусть почти читала. Вот так и прожила — до 90 годов читала, годов 27, как не 30» (ПМА. 2011. Лихачева). Со слов Лихачевой, ею было отпето на протяжении жизни около 200 человек. Как лучшую «читалку», Лихачеву приглашали на трехдневное бдение и чтение возле тела усопшего по всей округе. Она знала наизусть и весь церковный чин отпевания умерших — «панáфиду».

На вопрос, были ли молитвы на карельском языке, Надежда Васильевна отвечает отрицательно: «Только по-славянски. Молитвы, частушки, стихи — это всё пела я по-русски». С ее слов, все «долгие песни» — и свадебные, и беседные (некоторые из них удалось записать) — пели только по-русски, но некоторое количество общеизвестных частушек по-карельски она охотно исполнила.

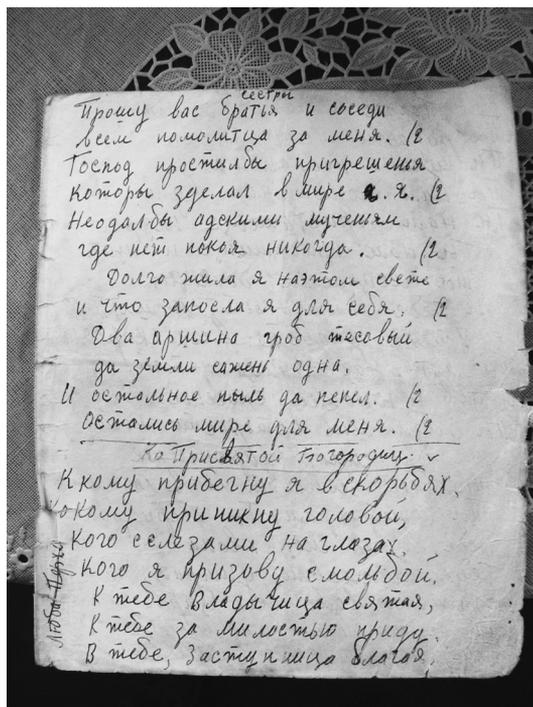
Рассказывая подробно об отпевании, Н. В. Лихачева продемонстрировала свой вариант: «Перед тем как читать, надо молитву прочитать. „Придите, поклонимся Цареве нашему Богу. Придите, поклонимся Цареве нашему

Богу, Приидите поклонимся и припадем самому Христу, Цареву и Богу нашему“. И начинаешь читать. Дойдешь до „Славы“ — и надо сказать: „Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне, и присно, и во веки веков. Аминь. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне, и присно, и во веки веков. Аминь“. „Покой, Господи, душу усопшую новопреставленную рабу Анну“ (три раза сказать). „И даруй ей, Господи, Царство Небесное. Царствие и Причастие и вечных Твоих благих и Твоя бесконечная и блаженная жизни наслаждения. Елика в житие, яко человек согрешиша, Ты же, яко Человеколюбец Бог, прости ей, помилуй, и вечная муки избави, и Небесного Царствия причастница учини, души ея полезна сотвори, и с праведными сопричти, и нас помилуй, яко благ и Человеколюбец. Аминь. Подаждь ей, Господи, оставление, новопреставленной рабе Анне. И всем прежде отшедшим в вере и надежде Воскресения отцам, и братьям, и сестрам нашим, всем воинам, на поле брани убиенным, живот свой положившим, и нашей сестре Анне, сотвори ей вечную память. Вечная память, вечная память, вечная память“».

Надежда Васильевна комментирует: «В книге этого нету, надо самому читать, от себя. И начинала снова читать. И кафизма вторая будет. Перед второй кафизмой то же самое надо читать. Читали от школьной скамьи. А я не могла читать. А мне и завидовали они, да и ненавидели. Меня и стали везде брать, читать. Всё идут и идут. Только приеду, опять стоит 2 подвода. А им и завидно — говорят, ты работу отбила. Я говорю: „Я не отбивала, у меня есть пенсия, могу прожить и без этого. Зовут, я иду“. Отпевала всех: недругов, староверов». — «А по староверам тоже читали?» — «Да, а как же! Там была вера крепче нашего. Там так же читали, хоронили, только хоронили они одни» (ПМА. 2011. Лихачева).

На вопрос о карельской традиции причитывать над покойником — *it'kie*, Лихачева неожиданно ответила: «*Iti* — так это я», — но категорически отвергла, что плакали по-карельски. «Нет-нет-нет. Не по-карельски, нигде этого не делали. Только всё по-славянски, по-церковному. Не положено. Положено только по-славянски по покойникам. На свадьбе — кто как сумел. На свадьбе свадебное дело веселое. А по покойникам — печальное, надо такое совершать. На свадьбе-то радуются да поют песни, а по покойнику плачут. Так что совсем другое дело. Другое пение, другое чтение» (ПМА. 2011. Лихачева). Замечу, что карельские плачи по усопшим были зафиксированы мной у других групп карел еще в 1990-х гг., и сложилось впечатление, что Лихачева не знала или не застала эту старую (утраченную?) традицию, твердо исполняя роль отпевания на исходе души и по смерти в доме согласно Псалтири.

Молитвенное обращение к Богу, чтение богослужебных и четьих книг, знание и переписывание «божественных стихов» было для Н. В. Лихачевой способом получения духовного знания. В ее домашней библиотеке более 10 книг: Евангелие от Марка, Псалтирь, почти все кафизмы которой она знала наизусть, два старообрядческих Часовника³, Житие св. прп. Сергия Радонежского, Акафисты Успению Пресвятой Богородицы, свт. Николаю, св. блгв. кн. Александру Невскому, св. прп. Серафиму Саровскому, две ученические тетради с рукописными духовными стихами скорописью и др. Благодаря некоторым владельческим записям в книгах и тетрадях ясно, что часть из них поступили из Ярославской губернии / области.

Тетрадь с духовными стихами. Из собрания Н. В. Лихачевой. 2011 г.

Известно, что духовные стихи бытовали у некоторых групп тверских карел не только в письменной, но и в устной форме еще в 1980-х гг. От Надежды Васильевны были записаны духовные и лирические стихи, романсы:

³ Один из них, издание Преображенского кладбища 1908 г., принадлежал прадеду Н. В. Лихачевой: «...грамотный, один жил, неженатой, холостым и жил, был священником староверским, по этой книге он совершал службу молитвослову... После его смерти там осталось... они читать никто не умеют, лежала (книга), я попросила...» (ПМА. 2011. Лихачева).

«Архангел Божий Михаил» («Небесного Чертога житель, Начальник всех небесных сил, Царя Небесного служитель, Архангел Божий Михаил...»), «Крещение Господа» / «В далёкой стране Палестине» / «Иордан» («В далёкой стране Палестине быстрила река Иордан...» — этот текст приведен и в тетради Лихачевой), «Смерть старушки» («В низенькой избушке огонёк горит. Там одна старушка при смерти лежит. Плачет и рыдает о грехах своих, часто вспоминает — ох, как много их...»), «Крест тяжёлый, крест тяжёлый» («Крест тяжёлый, крест тяжёлый, Нету сил его поднять, А нести-то его надо, В нём Господня благодать...»). На вопрос, откуда она знает «божественные» стихи, последовал ответ: «Певчие придут к покойнику и пели (<...> Списывала. Которые вот деревенские придут-расскажут, я спишу их».

В числе лирических, игровых русских песен и романсов: «Когда б имел золотые горы...»; «Кругом, кругом осиротала да без тебя, мой дорогой, С тобой всё счастье улетело, да не воротится назад...»; «Мне сказали — не придёт и не явится он...»; «В минуту жизни трудную...»; «Корабель плывет» («Не спускалися во в сине море, Во в синем море корабель плывёт, Корабель плывёт, а волна ревет»); «Покаяние пустыницы» («В мире я жила, грешила. Во младых своих летах...»). Комментарий Н. В. Лихачевой: «Какую песню ни возьми, всё, кажется, — жизнь взята, а теперь... только „белый снег“ 30 раз...».

Н. В. Лихачева была явно милосердным человеком, что выражалось в сострадании к другим людям, помощи им, любви к врагам. Последние десятилетия своей жизни она работала санитаркой в чамеровской больнице, в чем нашла свое призвание — помогать больным людям.

С возрастом она приобрела статус известной за пределами своей округи лекарки, лечившей людей и домашнюю скотину, хотя и не выставляла напоказ свои знания и способности: «Не оказывала виду людям. Не выявляла себя».

Благодаря повседневной актуальности этого знания Надежда Васильевна сохраняла небольшой набор коллективных народных представлений и приемов локальной знахарской культуры, неотторжимых от целостной системы знаний и расцениваемых ею, как и всеми знающими, как богоугодные: «Это не я лечу, я не врач ведь. Это Бог. Господь лечит, врачует». В нашем разговоре я пыталась выяснить, откуда у нее эти знания. И в этот раз, как и в рассказе о явлении во сне св. мц. Параскевы, Лихачева сослалась на другой сон, свидетельствующий либо о predeterminedности и этого пути, либо о некоем ее избранничестве: «Один раз во сне мне приснилось. Приснилась мне речка. Вижу, что кто-то меня ведёт. Милая речка, чистая водица, красная девица, ты моешь камышки и корешки, очисти младенца, там, Марию... Само меня поразило» (ПМА. 2011. Лихачева).

Ее обиходный и специальный багаж лечебных знаний был невелик. Прежде всего, она акцентировала внимание на лечении домашней скотины: коров, которые «дуреют», ревут из-за того, что во дворе поселился «дворовой». Известная причина его недовольства и наказания хозяев — непочтительное поведение, ругань, в том числе и по отношению к домашней скотине: «Или ругнутся, или сделают что нехорошее. Или назовут нехорошим коровушку. „Вот, куда лезешь, зараза!“ А какая же скотина зараза?» В этом случае необходимо дать дворовому «подарочек»: «Хлеба кусочек, яичко и три денёжки, две жёлтенькие / медные, одну серебряную». Затем следует положить их в пакетике или мешочке под ясли с молитвой. «Попросить Георгия три раза: „Святой победоносный отче Георгие (он победитель ведь), Яко пленных свободитель, нищих защититель, соболезнующим врач, а царям поборниче“. Три раза прочитать и попросить: „Святой победоносный отче Георгие, моли Бога о нас“». Вслед за этим Лихачева обращается: «*„Дворовые батюшка, матушка, царь и царица, примите от меня подарочек. Примите от рабы (имя называю коровушки, кличку, и человека). Напоите, накормите, там какая боль — не стоит ли она, дерётся ли она, не пьёт ли, на волю не идёт“*. Такие слова говорить. Положить под ясли, три поклона положить и три раза это прочитать. И всё (...) он примет этот подарочек — да и всё» (ПМА. 2011. Лихачева).

К молитве Лихачева прибегает и в том случае, когда корова теряется в лесу во время выпаса, «другой раз коровы по месяцу нет из лесу», так как ее держит «в плену» лесовой или полевой. «*„Полевые батюшка, матушка, царь и царица, примите от меня подарочек. Возлюбите мою коровушку — Пеструшку али Малышку, — напоите, накормите и домой проводите“*... Победоносец Георгий пленных освободитель — и отправит её» (ПМА. 2011. Лихачева). Еще в 1990-х гг. карельская знахарка Новоторжского района рассказывала, что если *лес водит* скотину, надо прийти в лес, вырвать с корнем маленькую елочку и громко сказать: «Если ты только мне не дашь корову или теленка, я весь лес растащу, выкорчую» [Фишман 2009b, с. 161].

Лес может удерживать и людей, если они идут в лес, не благословясь. Согласно общекарельской культурной традиции, Н. В. Лихачева, как и большинство деревенских пожилых женщин, не забывает об этом обязательном правиле общения с лесом. «Господи, благослови... Я когда в лес пойду, так всегда читала „Живый в помощи“. Это ведь спасает от всякого зверя, змеи, да и всё. Вот иду, прочитаю „Живый в помощи“ и в лесу хожу другой раз». В тех редких случаях, когда человек теряется, с ее слов, «ангела надо просить, повесить рубашку на ёлку, крестик и просить, чтобы лесовой показал

дорогу... тут уж я и забыла. Слова-то и забыла...чтобы вывел на дорогу. Святого забыла... Закхей... что просить его. „*Лесовой батюшка, матушка... выведите на дорогу к живым людям*“» (ПМА. 2011. Лихачева).

Среди почитаемых у всех карел пород деревьев Лихачева помнит о можжевельнике — *вересе*, которого теперь не осталось в округе. «Я, бывало, иду мимо кустика да помолюсь, на коленки паду, да так помолюсь. Ведь тернистый венец у Христа был. Как Господь переносил этот венчик, так помоги, Господи, перенести мне это бремя, этого врага избежать» (ПМА. 2011. Лихачева).

В числе лекарственных растений, которыми Н. В. Лихачева пользовалась при лечении известных ей болезней, — иван-чай, чистотел, ромашка, подорожник. «Когда беру, когда летом ещё собираю, это говорю: „*Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй и благослови на все добрые дела, на здоровье, на счастье, на радость и на врага. Милая травка, зеленая травка, ты Богом дана, ты растёшь и цветёшь и полезна всегда. Будь полезна всем православным христианам, братьям и сестрам, и воинам, младенцам, отрокам и скотам*”» (ПМА. 2011. Лихачева).

При лечении ребенка от *заряницы* (бессонницы) обязательно называется имя ребенка, т. е. заговорный текст носит персональный характер: «*Будь полезна младенцу Елизавете, избавь её от всех скорбей и болезней. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй и благослови младенца Елизавету на здоровье, на сон и на все хорошие дела*». Травяным отваром ребенка моют, поят, сопровождая коротким заговором: «*Милая речка, чистая водица, красная девица, ты моешь камышки и корешки, очисти моего младенца Елизавету от всех скорбей и болезней*». Затем ребенка выносят на вечернюю зорю и с поклонами трижды читают общеизвестный текст: «*Заря-заряница, красная девица, твоё дитё плачет, гулять хочет, а моё дитё плачет, спать хочет. Своё дитя гулять проводи, а моё дитя спать уложи*» (ПМА. 2011. Лихачева).

Лечение настоями как универсальный рациональный способ народной медицины Надежда Васильевна использовала и при избавлении от «собачьей старости» / рахита, радикулита. В ванну при лечении последнего она добавляла березовый веник и еловый сучок, из нагретого жита и овса делала компрессы.

Как верующий человек, Лихачева категорически отрицала происхождение болезней от сглаза: «Это пустое. Это суеверие. Суеверие в самом деле выведет на настоящую болезнь. Суеверить ни в коем случае нельзя. Это сразу с врагом. А враг будет тебе хуже и хуже. Это грех, во-первых, во-вторых, и не надо такие мысли брать в голову. Болезнь вылечивается только на-

строением хорошим, сном и вот этим лечением». Однако она была уверена, что многие боли (головные, глазные, ушные, зубные, кожные) происходят от непочтительного отношения к окружающей природе, нарушающего равновесие между миром человека и миром одухотворенной природы, это — *прытка*, которая немедленно наказывает человека (ПМА. 2011. Лихачева).

Для определения источника болезни: «от ветра, от лесу, от реки, от дому, от бани, от кровати», — Лихачева кидала жребий: «Три денежки были по 3 копейки, решето, вот я уж прошу, когда пойду кидать: „*Боже милостивый, открой тайну болезни, раба такого-то, прости его вся согрешения вольная и невольная, прими моё малое моление*“. Вот так попрошу, помолюсь. Прежде чем лечить, буду молиться перед иконой, зажгу лампадку и молось» (ПМА. 2011. Лихачева).

В понимании Лихачевой ее весьма скромный багаж эзотерических приемов и слов таковым не является, и это при том, что сохранившиеся в ее практике некоторые образы, мотивы и сюжеты заговоров достаточно устойчивы. В самых общих чертах они соответствуют традиционной карельской картине сверхъестественного мира, правда, в весьма редуцированном виде. Но в глазах окружающих она последняя лекарка, к помощи которой местные жители — бывшие весьегонские карелы и русские — прибегали. Это свидетельствует о том, что у них отчасти сохраняется память о прежней важной роли и статусе *знающих* в этносоциальной структуре сельского общества.

Повествование Н. В. Лихачевой, к слову сказать еще в 1980-х гг. последней носительницы практически не существующего ныне весьегонского говора карельского языка, дало возможность проследить через историю ее личности не только уходящий уникальный и индивидуальный, но и коллективный опыт прежней локальной группы⁴.

Литература

- Биографический метод — Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы междунар. семинара (Санкт-Петербург, 14—17 ноября 1996 г.) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ, 1997. 223 с. (Труды ЦНСИ; Вып. 5).
- Голос крестьян — Голос крестьян: сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах / Сост. Е. М. Ковалев. М.: Аспект Пресс, 1996. 412 с.
- Кознова — Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 2000. 207 с.

⁴ Наиболее существенный вклад в изучение биографических нарративов осуществлен со стороны устной истории и истории крестьянства [Голос крестьян; Хубова; Кознова; Томпсон; Хрестоматия]. При изучении устных повествований биографического характера мною используются также биографический метод [Судьбы людей; Биографический метод] и методы персональной истории [Репина, с. 76–100; Персональная история].

- Кузнецова, Логинов — *Кузнецова В. П., Логинов К. К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 328 с.
- Логинов 1993а — *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1993. 157 с.
- Логинов 1993б — *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 227 с.
- Логинов 2006 — *Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006. 276 с.
- Логинов 2007 — *Логинов К. К.* Сборник полевых этнографических опросников: Учеб.-метод. пособие / Под ред. А. Г. Новожилова. СПб.: СПбГУ, 2007. 69 с.
- Логинов 2010 — *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / Ун-т Дм. Пожарского. М.; Петрозаводск: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 424 с.
- Ньюман — *Ньюман Л.* Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 110–121.
- О своей земле — О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е. Б. Смилянской. М.: Индрик, 2012. 472 с.
- Персональная история — Персональная история / Отв. ред. Д. М. Володихин. М.: Мануфактура, 1999. 329 с.
- Путилов 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.
- Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с.
- Путилов 1996 — *Путилов Б. Н.* Сказители Русского Севера: к проблеме отношений «ученик» — «учитель» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 633–639.
- Репина — *Репина Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / Ред. Ю. Л. Бессмертный, М. А. Бойцов. М.: РГГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–100.
- Судьбы людей — Судьбы людей: Россия, XX век: Биография семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотева. М.: Ин-т социологии, 1996. 426 с.
- Томпсон — *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003. 367 с.
- Фишман 2009а — *Фишман О. М.* Исследователь и объект исследования (опыт полевой коммуникации) // Полевые этнографические исследования: Материалы Восьмых Санкт-Петербургских этногр. чтений / Редкол.: Е. Е. Герасименко, В. А. Дмитриев, Д. В. Дубровский, А. В. Коновалов. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2009. С. 15–21.
- Фишман 2009б — *Фишман О. М.* Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сб. ст. памяти Ю. Ю. Сурхаско: Гуманитарные исследования / Ред. А. П. Конкка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 2. С. 135–172.
- Фишман 2012 — *Фишман О. М.* «Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е. Б. Смилянской. М.: Индрик, 2012. С. 15–32.
- Фишман 2016 — *Фишман О. М.* Весьегонские карелы: история формирования группы, признаки и факторы современной локальной идентичности // Роль науки

- в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию КарНЦ РАН (г. Петрозаводск, 24–27 мая 2016 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 454–458.
- Фишман 2019 — *Фишман О. М.* Карельская «читалка» Псалтири: индивидуальный религиозный опыт // Этнос и конфессия: Материалы Восемнадцатых Междунар. Санкт-Петербургских этногр. чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2019. С. 39–44.
- Хрестоматия — Хрестоматия по устной истории / Авт. введ., сост. и пер. М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. 396 с.
- Хубова — *Хубова Д. Н.* Устная история: «Verba volant...?»: Метод. пособие. М.: РГГУ, 1997. 64 с.
- Чистов 1988 — *Чистов К. В.* Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск: Карелия, 1988. 335 с.
- Чистов 2000 — *Чистов К. В.* Мастер в народной художественной культуре Русского Севера // Мастер и народная художественная традиция: Доклады III науч. конф. «Рябининские чтения 99» / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2000. С. 7–15.
- Чистов 2005 — *Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 270 с.

References

- Chistov, K. V. (2005). *Fol'klor. Tekst. Traditsiya*. Moscow: Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. 270 p.
- Chistov, K. V. (1988). *Irina Andreevna Fedosova: Istoriko-kul'turnyi ocherk*. Petrozavodsk: Karelia. 335 p.
- Chistov, K. V. (2000). 'Master v narodnoi khudozhestvennoi culture Russkogo Severa', in: *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya: Doklady III nauchnoi konferentsii "Ryabininskie chtenia 99"*. Petrozavodsk: Muzei-zapovednik "Kizhi", 7–15.
- Fishman, O. M. (2009). 'Issledovatel i ob"ekt issledovaniya (opyt polevoi kommunikatsii)', in: E. E. Gerasimenko, V. A. Dmitriev, D. V. Dubrovskii, A. V. Kononov, eds. *Polevye etnograficheskie issledovaniya: Materialy Vos'mykh Sankt-Peterburgskikh chtenii*. St.-Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena, 15–21.
- Fishman, O. M. (2019). 'Karel'skaya "chitalka" Psal'tiri: individual'nyi religioznyy opyt', in: *Etnos i konfessiya: Materialy Vosemnadtsykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh Chtenii*. St.-Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii i dizaina, 39–44.
- Fishman, O. M. (2012). "'Litsom k litsu": iz opyta polevoi kommunikatsii', in: E. B. Smilyanskaya, ed. *O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vekov (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativa)*. Moscow: Indrik, 15–32.
- Fishman, O. M. (2016). 'Ves'egonskie karely: istoriya formirovaniya gruppy, priznaki i faktory sovremennoi lokalnoi identichnosti', in: *Rol' nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 70-letiyu Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk (Petrozavodsk, 24–27 maya 2016)*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 454–458.

- Fishman, O. M. (2009). 'Znayushchaya — bol'naya: iz opyta polevoi avtobiografii', in: A. P. Konkka, ed. *Problemy dukhovnoi kul'tury narodov Evropeiskogo Severa i Sibiri: Sbornik statei pamyati Yu. Yu. Surkhasko. Gumanitarnie issledovaniya*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 2, 135–172.
- Khubova, D. N. (1997). *Ustnaya istoria. "Verba volant...?". Metodicheskoe posobie*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnii universitet. 64 p.
- Kovalev, E. M., ed. (1996). *Golos krest'yan: sel'skaya Rossiya XX veka v krest'yanskikh memuarakh*. Moscow: Aspekt Press. 412 p.
- Koznova, I. E. (2000). *XX vek v sotsial'noi pamyati rossiiskogo krest'yanstva*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta filosofii Rossiiskoi akademii nauk. 207 p.
- Kuznetsova, V. P., Loginov, K. K. (2001). *Russkaya svad'ba Zaonezh'ya (konets XIX — nachalo XX veka)*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. 328 p.
- Loginov, K. K. (2006). *Etnolokal'naya gruppy russkikh Vodlozer'ya*. Moscow: Nauka. 276 p.
- Loginov, K. K. (1993). *Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya russkikh Zaonezh'ya (konets XIX — nachalo XX veka)*. Leningrad: Nauka. 157 p.
- Loginov, K. K. (2007). *Sbornik polevykh etnograficheskikh oprosnikov: Uchebno-metodicheskoe posobie*. A. G. Novozhilov, ed. St.-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 69 p.
- Loginov, K. K. (1993). *Semeinye obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. 227 p.
- Loginov, K. K. (2010). *Traditsionnyi zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ya: obryady, obychai i konflikty*. Moscow, Petrozavodsk: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 413 p.
- Loskutova, M. V., ed. (2003). *Khrestomatiya po ustnoi istorii*. St.-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 396 p.
- N'yuman, L. (1999). 'Polevoe issledovanie', *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 4, 110–121.
- Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaya kul'tura*. St.-Peterburg: Nauka. 238 p.
- Putilov, B. N. (1988). *Geroicheskii epos i deistvitel'nost'*. Leningrad: Nauka. 223 p.
- Putilov, B. N. (1996). 'Skaziteli Russkogo Severa: k probleme otnoshenii "uchenik" — "uchitel'"; in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St.-Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 50, 633–639.
- Repina, L. P. (1999). "'Personal'naya istoriya": biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya', in: Yu. L. Bessmertnyi, M. A. Boitsov, eds. *Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnii universitet. Vol. 2, 76–100.
- Semenov, V., Foteeva, E., eds. (1996). *Sud'by lyudei: Rossiya, XX vek: Biografia semei kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya*. Moscow: Institut sotsiologii. 426 p.
- Smilyanskaya, E. B., ed. (2012). *O svoei zemle, svoei vere, nastoyashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vekov (k izucheniyu biograficheskogo i religioznogo narrativ)*. Moscow: Indrik. 472 p.
- Thompson, P. (2003). *Golos proshlogo. Ustnaya istoriya*. Moscow: Ves' mir. 367 p.
- Volodikhin, D. M., ed., (1999). *Personal'naya istoriya*. Moscow: Manufaktura. 329 p.
- Voronkov, V., Zdravomyslova, E. eds. (1997). *Biograficheskii metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestv. Materiali mezhdunarodnogo seminara. Trudy Tsentra nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniy, 5*. St.-Petersburg: Tsentr nezavisimykh sotsiologicheskikh issledovaniy. 223 p.